

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

Январь, 1826.

ПРОЗА.

КОРСАРЪ.

Come vedi, ancor non m' abbandona. (Dante.)

Письнь третья.

I.

Солнце, еще блистательнѣйшее при закатѣ, мало по малу скрывалось за холмы Морей. Здѣсь не такъ, какъ на Сѣверѣ; ни одно облако не помрачаетъ яркаго его сіянiя; лучь его упалъ на тихое море и позолошилъ лазурныя волны его. Древнiя скалы Эгины и острова Идры еще осыпаны блескомъ вчернѣющаго дня: солнце, какъ бы неохотно оставляетъ мѣста сіи, гдѣ оно любилъ являться во всемъ великолѣпiи, хопя олшари его разрушены. Вдругъ славный заливъ грознаго Саламина подернулся легкимъ сумракомъ: однѣ шолько синевашия вершины горъ увѣнчаны багрянымъ сіанiемъ пошухающаго свѣшила дня; наконецъ, простершимся надъ землею и водами пѣнямъ, оно сокрыло позади Делфійскаго утеса свѣшлый ликъ свой.

Предъ наступленіемъ подобной ночи, въ которую погибъ добродѣльнѣйшій изъ людей, солнце блѣднѣ свѣсило надъ Аѳинами. Съ какимъ беспокойствомъ друзья его исчисляли каждую минушу того дня, кошорому надлежало бытъ послѣднимъ для мудреца, на смерть осужденнаго! Помедли, говорили они ему, еще солнце сіяеть за холмами, еще не близокъ часъ разлуки. Какъ горешно взирашь на свѣшь очамъ, кошорыя смерть закрышь гонсева! для нихъ злашыя верхи горъ кажутся одѣшыми въ сумракъ; самый Фебъ, какъ бы впервые, изливаль пусклое сіяніе съ благословенныхъ небесъ Греціи. Но еще не погасъ послѣдній лучъ его за вершиною Кіаерона, а роковая чаша уже испишá. Не спало того, кто не хотѣлъ спасашъ себя ни бѣгствомъ, ни малодушнымъ униженіемъ, чья жизнь и смерть была при- мѣромъ для пошомства.

Но Царица ночи уже распросперла свой покровъ надъ вершинами Гимеша и долиною. Серебряное чело ея опкрышо. Ни одна шуча, предвѣспница бури, не помрачаешь яснаго свѣсила ночи: вошь лучи его опразились на карнизъ мраморнаго шолпа и сообщили блескъ свой полумѣсяцу, мелькающему на остромъ шпичѣ Минареша. Вдали показались ма- сличныя роци; Кефисъ, медленно кашащій свои воды; печальные кипарисы, возвышающіеся около мечешей; прелестныя кіоски, испещренныя разными красками; сѣнисшыя пальмы, окружающія храмъ Тезей: всѣ сіи предметы, столь разнообразныя,

очаровывающъ зрѣніе и смертному не возможно взирать на нихъ безъ чувства.

На краю небосклона видно Эгейское море; укротивъ ярость свою, оно величественно развиваетъ свои золотыя и сафирныя волны, между шѣмъ, какъ возвышающіеся посреди водъ его острова развѣивающъ вдали завѣсу шѣней, коихъ угрюмый видъ составляетъ рѣзкую противоположность съ улыбающимся моремъ.

II.

Время уже возвратишься къ предмету нашихъ пѣсней. Но кто не забудетъ своей лиры при видѣ морей, омывающихъ ваши берега, Аѣны! при одномъ имени вашемъ исчезающъ всѣ другія воспоминанія! Кто можетъ насытиться зрѣлищемъ сего древняго города при закатѣ солнца? — Не говорю уже о томъ, чье сердце не знаетъ ни времени, ни разстоянія; о томъ, кого непреодолимая прелесть влечетъ къ Цикладамъ. Такъ, воспоминаніе о васъ не чуждо моимъ пѣснямъ. Вы нѣкогда владычествовали надъ островомъ моего Корсара: о, когда бы вы опять, возвращая свою свободу, предписали ему законы!

III.

Солнце поухло. *Медора* сидитъ на холмѣ подлѣ пылающаго маяка. Сердце ея мрачнѣе ночи.

Прошло при дня: *Конрадъ* не возвратился вопреки своему обѣщанію. Никто изъ его поварищей

не является. Въсѣрь дуешь попушныи, хопя слабо его дуновение и буря не бушуешь.

Корабль Ансельма вошелъ въ заливъ. Какія припесь онъ въси? Онъ не встрѣшилъ *Конрада*. Ахъ, еслибъ онъ дождался сего корабля: то конечно былъ бы счастливецъ! — Подулъ вечерній въсѣрь. *Медора* цѣлый день не опводила очей опъ моря: каждый предметъ въ дали казался ей нарусомъ и оживлялъ ея надежду. Съ мучительнымъ безпокойствомъ она бродишь одиноко по морскому берегу, не чувствуя, что брызги разбивающихся волнъ оросили ея оджду, что время уже оставишь берегъ. Она все забыла, ничего не замѣчаешь и осшаешь у берега: одну шолько сердце ея обьяшо холоднымъ шрепешомъ. Въ семъ жестокомъ состоянн, она перешаешь въришь надеждъ: незапное появленн *Конрада* лишило бы ее жизни или разсудка.

Наконецъ пришла къ берегу разбишая лодка. Эшо Корсары: они скоро примѣшили шу, которую искали. Многіе изъ нихъ ранены; все доказываешь, что они прешерибли поражение. Какъ спаслись они, едва сами эшо знаютъ. Не смѣя показанься, каждый выжидаешь, чтобы кто-нибудь изъ шоварищей сообщилъ свои печальныя догадки объ участи *Конрада*. Можешь бышь, они осмѣлились бы произнесь нѣсколько словъ, но, кажешся, опасаюшя присущшви *Медоры*. Она ихъ поняла; она не шрепещешъ, не изнемогаешъ подъ бременемъ своей горести.

Нѣжныя черпы *Медори* скрывали сильныя чувствованія, копорыя обнаруживались полько въ важныхъ обстоятельствахъ. Она могла предаваться нѣжности, могла плакать, пока еще дышала надеждою: но когда все погибло, чувствительность ея не умерла вмѣстѣ съ надеждою; она была полько усыплена и эшошь минушный сонъ оживиль въ ней мысль: „когда нечего любить, тогда нечего спрашишься.“ Эша сила души можешъ назваться болѣе сверхъестественною: она походишь на бредъ въ припадкѣ горячки.

„Вы скрываете ошь меня шайну“ — говорила она — „я не хочу знашь ее!.. Для чего же вы не смѣете говоришь, не смѣете дышашъ? Я знаю все... однакожь мнѣ хотѣлось бы сдѣлать вамъ нѣсколько вопросовъ... Слова замирають на ушахъ моихъ... Скажите одно слово: что сдѣлалось съ *Конрадомъ*?“ — Не знаемъ, ошвѣчали нѣсколько голо- совъ: мы едва могли спасти жизнь свою бѣгствомъ... но рошь одинъ изъ нашихъ поваричей, копорой увѣраешъ, что Ашаманъ не умеръ: онъ видѣль его раненаго, въ плѣну, еще живаго. —

Она ничего неслыхала болѣе; всѣ мысли, копорыя она, за минушу предъ тѣмъ, спаралась разсѣяшь, спѣснились въ душѣ ея. Печальныя слова сіи поразили ея сердце; она колеблешся и падаешъ въ обморокъ. Морскія волны спѣшашъ приняшь жершву, назначенную для иной могилы. Суровые воины лешашъ къ ней на помощь; въ глазахъ ихъ

блеснуло чувство жалости. Они орошаютъ сіи блѣдныя ланины горькою водою; поднимають *Медору*, навѣваютъ на нее свѣжій воздухъ; она открыла глаза, позвала своихъ прислужницъ: тогда Корсары сдали имъ шу, кошорой глубокая горестъ раздираешъ имъ сердце. Потомъ они, приходящъ въ пещеру Ансельма и рассказывають ему о своей крашко-временной побѣдѣ.

IV.

Въ семь дикомъ сонмѣ слышны одни шолько крики бѣшенства и ужаса, войны и мщенія; никто не хочешъ и слышатъ о мирѣ, о посшудномъ бѣгствѣ. Духъ *Конрада* еще живъ въ его товарищахъ и сохранитъ ихъ ошъ опчаянія. Какая бы участь его ни ожидала, сердца, привыкшія ему повиноваться, клянущя освободить своего предводителя, или опмстить за него. Горе его непріятелямъ! У него осшалась еще горестъ храбрыхъ, коихъ оп-важность равна ихъ къ нему преданности.

V.

Въ шайныхъ черпогахъ *Гарема*, *Сендъ* вымышлялъ казнь для своего плѣнника; мысли его волновались и любовью и ненавистью: *Гюльнара* и *Конрадъ* попеременно его занимали. Прелестная невольница ожидала у ногъ его счастливой минушы, когда чело его прояснишся. Огненныя глаза ея подсперегають взоръ *Сенда*, чпобы возбудишь въ немъ нѣжность. Но хищрый Паша дѣлаешъ видъ, будшо со вниманіемъ перебираешъ свои чешки, между

шѣмъ, какъ душа его заняша карпиною мученій своей жершвы.

„Блисшашельный Паша! сказала она прервавъ молчаніе — счастье шебъ улыгнулось; побѣда шебя увѣнчала. Ашаманъ въ плѣну; разбойники разсѣяны. Приговоръ его произнесенъ; онъ долженъ умереть и заслужилъ смерть. Но казнь его можешь ли насыпишь швою ненависть? Давъ ему мгновенную свободу; не благоразумнѣ ли будешь позволишь ему выкупишь себя цѣной его сокровищъ? Безчисленныя богатства его обратились въ пословицу: ошь шебя зависишь сдѣлашься ихъ обладателемъ! Впрочемъ, *Конрадъ* падшій, ослабленный рѣшительнымъ поражениемъ, строго надзираемый, вездѣ преслѣдуемый, не минуешь рукъ швоихъ. Но если казнь его совершится, шо оспашки войска его, собравъ всѣ драгоценности, найдутъ убѣжище подъ другимъ небомъ.“

— *Гюльнара*, когда бы мнѣ предложили за каждую каплю крови его по Сулшанскому алмазу, когда бы за каждый его волосъ обѣщали мнѣ золотыя горы, когда бы разсыпали передо мною всѣ сокровища, о кошорыхъ писано въ Арабскихъ сказкахъ, и шогда не согласился бы я освободить Корсара. Казнь его давно бы совершилась, еслибъ онъ не былъ въ моей власти и обремененъ оковами, если бы жажда моего мщенья избрѣла самую продолжительную и самую люшѣйшую для него пышку. —

„Ты правъ, *Сендъ*. Не хочу удерживать своего мщенія; оно справедливо; здѣсь не мѣсто жалости. Я только желала видѣть тебя обладаемымъ сокровищъ нашего врага: выкупленный, лишенный половины своего войска и всѣхъ своихъ способствъ, онъ по первому своему мановенію, опять будешь своимъ пѣнникомъ.“

— По первому мановенію! мнѣ выпустишь этого разбойника, когда онъ уже въ моихъ цѣпяхъ! Дашь свободу моему врагу! для кого же? Для тебя, прелестная заступница! Вошь слѣды признашельности, внушенной минушнымъ порывомъ челоуѣколюбія, которому невольницы мои обязаны жизнью... Правда, онъ не зналъ цѣны пощаженной имъ крови. Въ этомъ случаѣ онъ стоишь моей похвалы и благодарности; но вошь тебѣ мой совѣщъ: я давно уже за тобою примѣчаю, вѣроломная! каждое слово свое подтверждаешь мои подозрѣнія. Когда руки Корсара спасли тебя отъ пламени, не хотѣла ли ты бѣжать съ нимъ изъ гарема?... Не ошвѣчай мнѣ: краска въ лицѣ своемъ изнѣняетъ преступному сердцу. Хорошо, мой другъ! берегись! тебѣ должно заботишься не объ одной жизни *Копрада*... Еще одно слово: да будешь проклята минуша, когда онъ вырвалъ тебя изъ пламени! Лучше бы ты погибла... тогда бы я оплакалъ тебя со всею горячностью любовника: теперь, говоришь съ тобою твоей повелишель. Развѣ не знаешь ты, что я всегда могу осщановишь побѣгъ твой! Я наказываю не одними

угрозами за свои оскорбленія. Будь оспорожна, и помысли о казни, кошорая гошовишься пшвоему вѣроломшву. — —

Сендъ вспаль и медленно удалился, не переставая кидать грозные и спрашные взгляды. Эшо мало пронуло сию неробкую женщину; сердшное лице не имѣло для ней ничего ужаснаго. *Сендъ* худо зналъ могущество любви надъ нѣжнымъ сердцемъ, и на чшо можетъ рѣшиться мешительность. Подозрѣнія Паши, казалось, оскорбили ее. Она не понимала еще, какъ глубоко укоренилось въ сердцѣ ея чувештво, изъ кошораго проишекало ея соспраданіе. Она раба: каждый рабъ имѣетъ право на участіе шѣхъ, кои лишены свободы. Забывъ собственное смяшеніе, она снова рѣшилась подвергнушься гнѣву Паши и успѣла его успокоить, шогда, какъ сама чувештовала, чшо мысли ея приходять въ большій беспорядокъ, испочиникъ бѣдствій для женщины.

VI.

Дни и ночи текутъ медленно для *Коурада*, безпрешанно возмущаемаго беспокойными мыслями. Еслибъ душа его не была выше ужаса, какъ шягосшно было бы для него время между спрахомъ и надеждою, когда каждая минута напоминала ему о близкой казни, люшѣйшей самой смерти, когда всѣ шаги, повшоряемые опголоскомъ шемницы, казались ему шагами идущихъ къ нему палачей, гошовыхъ весши его на мѣсто казни, и каждый звукъ голоса считалъ онъ послѣднимъ для своего слуха! Душа его,

гордая и въ самыхъ бѣдствіяхъ, хотя и упомилась, но умѣла еще сносить приливъ мыслей, гораздо ужаснѣйшихъ, нежели сраженія, въ которыхъ *Конрадъ* участвовалъ.

Жаръ битвы, ревъ бури, не дають ослабѣть ни одной мысли; но бытъ въ цѣпяхъ, въ мрачной пещицѣ, бытъ жертвою тысячи мучительныхъ воспоминаній, углубляясь въ собственное сердце, упрекать себя въ ошибкахъ, которыхъ поздно уже исправить, и видѣть приближеніе неизбежнаго будущаго; считать часы, раздѣляющіе насъ отъ смерти, не имѣя друга, который бы ободрилъ насъ, который бы подкрѣпилъ увѣренность, что жизнь не споймешь сожалѣнія; бытъ окружену врагами, всегда гошowymi очернить клеветою послѣднія минушты нашего бытія, видѣть передъ собою пышку, которая хотя не можетъ поколебать швердосць души, но будучи прельше силъ шѣлесныхъ, возбуждаетъ опасенія, чтобы вопли, испоргнушыя неспершимую болью, не похитили послѣдней славы у нашего мужества; разстаться съ жизнью земною безъ надежды на жизнь небешную, предоставленную однимъ праведникамъ и — ушрашиться несчастною подругу... вопъ мысли, шерзавшія узника, вопъ муки болъзненнѣе самыхъ смершнихъ судорогъ!

Такова участь *Конрада*; какъ перенесетъ онъ ее? Что до того нужды? Довольно, что онъ сохранилъ себя отъ опчаянія.

Проходишь день, *Гюльнара* не является; прошекли вшорый и шреший, а ее нѣтъ! Но съ помощію своихъ прелестей, она исполнила то, чего можно было ожидать ошъ нее. Безъ нее, *Конрадъ* не видалъ бы сіянія вшораго солнца.

Прошекъ чешвершый день; насшупила бурная ночь. Когда *Конрадъ* съ жадностію прислушивается къ шуму ярящихся волнь, никогда еще ненарушавшихъ его покоя: шогда его дикое воображеніе, оживленное любимою имъ стихіею, воспламеняешя. Сколько разъ пролепалъ онъ по хребтамъ сихъ быспрыхъ валовъ; какъ любилъ ихъ спремленіе, ускоряющее бѣгъ его! Теперь ревъ Океана, шщешно напоминаешъ знакомыми ему звуками, что малое шолько проспранштво ихъ раздѣляешъ.

Вѣтры прошяжно воюшъ; расказы грома пошрясающъ сводъ шемницы. Молнія сверкаешъ сквозъ рѣшешчашыя окна: блескъ ея пріяшнѣ *Конраду* блеска луны; гремя шяжелыми цѣпями, онъ спараетя привлечь громъ, и поднимая закованныя свои руки, молишъ Небо умилосердишя надъ нимъ и ниспослашъ ему одну изъ спрѣль для его уничтоженія. Жельзо цѣпей его и нечешивыя мольбы равно призывающъ громы. Гроза презриштельно прошла мимо — и не поразила его. *Конрадъ* возшпеналъ, какъ будшо бы невѣрный другъ опшринулъ его моленія.

VIII.

Пробило полночь; легкими шагами кно-шо приближаешься къ тяжелымъ дверямъ шюрьмы; ошпанавливается. *Конрадъ* слышитъ спукъ запоровъ и печальный звукъ ключа въ замкъ. Сердце его напередъ угадало, что это прекрасная *Гюльнара*: она была для него Ангель-Хранишель, прелесниа, какъ надежда для узника. Но какъ перемѣнилась она со времени перваго ея къ нему прихода; щеки ея блѣдны, члены препещущь. Она бросила на *Конрада* смущный и прискорбный взглядъ, кошорый ясно сказалъ ему: „ты долженъ умереть, такъ, умереть! Остаешься одно средство спасши тебя, средство ужасное, но пышка еще ужаснѣе.“

— *Гюльнара!* мнѣ ничего не нужно, говорю, повторяю тебѣ: *Конрадъ* никогда не перемѣнился! Къ чему спасашъ жизнь несчастливца? за чѣмъ избавляешь его отъ казни, ожидающей его и слишкомъ имъ заслуженной? Такъ! я заслужилъ . . . и, можешь быть, не одинъ, мщеніе *Сенда*. — —

„За чѣмъ! ты хочешь знать, за чѣмъ? Развѣ не избавилъ ты *Гюльнару* отъ участи, злѣйшей самаго рабства? . . За чѣмъ! . . не уже ли несчасіе скрываешь отъ глазъ своихъ нѣжныя попеченія женщины? Признаешься ли тебѣ? Хотя поль мой долженъ скрыватьшъ то, что я чувствую: не смотря на свои преступленія, ты пронулъ сердце мое, ты вдохнулъ въ меня страхъ, признашельность, жалость, бѣшенство, любовь . . не отвѣчай мнѣ . .

не говори, что ты любишь другую, что моя любовь безнадежна. Пусть она равна со мною в красоте, в нежной к тебе привязанности; но я презираю опасность, которая бы заставила шрепешать ее. Такое ли сердце достойно твоего? Ах, если бы я была твоимъ другомъ, ты не одинъ бы изнемогалъ въ плѣну! Подруга изгнанника, за чѣмъ позволяешь она супругу своему безъ нее мчаться по волнамъ Океана? какія заботы ее удерживають на твоёмъ островѣ? но полно. . . . острый мечъ на волоскѣ виситъ надъ нашими головами. Имѣешь ли довольно отважности? хочешь ли быть свободенъ? возьми эпошь кинжалъ и — слѣдуй за мною,“

— Слѣдовашь за тобою! но мои оковы! Звукъ моего ожерелья разбудитъ безпечныхъ спражей? Развѣ ты забыла эпо? въ такомъ ли нарядѣ спасаюшся бѣгствомъ? Можетъ ли сей кинжалъ быть страшнымъ оружіемъ въ битвѣ? —

„Человѣкъ недоувѣрчивый! спража подкуплена, она всегда готова измѣнить за золото; скажу слово — и цѣпи спадушъ съ тебя. Безъ сообщниковъ могла ли я приши къ тебѣ? Разставшись съ тобою, я не напрасно тратила время; для тебя сдѣлалась пресупницей, для одного теба! — Но развѣ наказанъ *Сенда* есть пресупленіе? Онъ долженъ умереть, сей ширанъ ненавистный. Ты содрогается; но душа моя перемѣнилась. Она глубоко поранена обидою и презрѣніемъ: она шребуешь мести. Меня подозрѣвали въ измѣнѣ, тогда, когда

я гнушалась ею, когда была слишком вѣрною, хотя каждой день пила горечь рабства . . . Ты улыбаешься, но ты повѣришь мнѣ: *Сендъ* несправедливо упрекалъ меня. Я еще не была невѣрна, еще ты не былъ мнѣ шакъ дорогъ. *Сендъ* самъ вызвалъ измѣну; сіи ревнивцы шираны, безпрестанно перзая насъ, сами заславляющъ насъ мыслишь объ измѣнѣ; они заслуживающъ, чшобъ сбылись надъ ними предсказанія, произносимыя гнусною ихъ клеветою. Я не любила никогда Паши; онъ купилъ меня . . . бышь можешь, слишкомъ дорого: ибо сердца моего не лѣзя получишь цѣною золота. Я была покорною невольницею: онъ говоритъ, чшо я хотѣла бѣжать съ побою. Эшо ложъ; ты самъ знаешь; но горе подобнымъ ему вѣщунамъ! ихъ обиды ускоряющъ событіе. Не думаешь ли ты, чшо онъ по моей прозбѣ опшсрочилъ швою казнъ? нѣшъ, сія минутная милосшъ даетъ ему время избрѣсшъ для себя самыя люшѣйшія муки, а для меня жесточайшее опчаяніе. Жизнь моя была шакже въ опасносши; но глупая любовь его опшсрочила мщєніе. Оно вспыхнешъ, когда лице мое перешанешъ ему правишся. Тогда для меня опшсрочешся роковой мѣшокъ, а опшскуда шолько два шага до моря. Допущу ли я, чшобы онъ поступалъ со мною по прихощи, какъ ребенокъ съ игрушкою, кошорой бросаешъ ее, когда сопрешся позолоша? Я тебя увидѣла, полюбила, обязана тебѣ всѣмъ, и хочу спасши тебя, хочу доказашъ могущєство благодарносши

надъ рабоу. Слова Паши, произнесенныя имъ въ гнѣвъ, свяшо исполнились. Еслибъ онъ не угрожалъ опасностію моея жизни и чести, я могла бы освободить себя, пощадивъ *Сенда*; это правда. Теперь располагай мною; я на все готова; ты не любишь меня, не узнаешь *Гюльнара*; можешь быть ненавидишь ее. Увы! любовь, ненависть, я васъ не знала! для чего ты не можешь испытать меня? Ты не опвергнулъ бы пламени, пожирающаго сердце, рожденное подъ симъ жаркимъ небомъ! Пламень сей для тебя спасительный фarosъ. Онъ указываетъ тебѣ въ приспани челнъ, управляемый Майнопомъ; но намъ надобно пройти мимо спящаго пирана . . . онъ не долженъ болѣе пробуждаться!“

— *Гюльнара! Гюльнара!* въ первый разъ еще чувствую всю жестокость своей участи. *Сендъ* врагъ мнѣ; мы въ ярости стремились на погубленіе другъ друга, но въ ошкрышомъ бою. Я предупредилъ его, я прилещълъ на корабль и скрестилъ мой мечъ съ его саблею; коварный кинжалъ никогда не будетъ моимъ оружіемъ. Кто умѣешь щадить кровь женщины, шопъ уважаешь и жизнь спящаго непріятеля. Мнѣ было пріятно спасти тебя; не заславъ меня думать, что я оказалъ челоуколюбіе недостойному предмету его. Проси, успокой свое сердце. Проходишь ночь, послѣдняя для моего успокоенія на этой землѣ. —

„И шакъ, покойся несчастный! солнце освѣтитъ твои мученія и шрепещущіе члены на мѣстѣ

казни. Я слышала, какъ отданы были приказанія; видѣла приготовленія швоей казни; но я ее не увижу. Ты погибнешь и я съ побоею.“

„Жизнь, любовь, ненависть, все, что привязываетъ меня къ землѣ, зависить отъ одного удара, а безъ него и бѣгство бесполезно. Какъ избежашь отъ преслѣдованій *Сенда*?.. и забуду ли мои обиды, мою поруганную молодость, скучные годы, въ слезахъ проведенные?.. Местъ порукою за нашу безопасность. Если же кипжалъ не достоинъ руки швоей: шо рука женщины пусть испытаетъ его. Стража подкуплена: *Конрадъ*, еще минуша, и мы спасены — или погибли; когда слабая рука измѣнитъ мнѣ, шога заря освѣтитъ швою казнь, а мое погребеніе.

IX.

При сихъ словахъ она обернулась и исчезла прежде, нежели *Конрадъ* могъ ей отвѣчать. Онъ слѣдуетъ за нею съ видомъ изумленія и беспокойства. Не допуская, сколько ему было возможно, брянчашь кольца тяжелыхъ цѣпей, онъ влечется по слѣдамъ *Гюльпари*, не встрѣчая никакой преграды. Темноша ночи и незнакомые переходы его останавливаютъ. Онъ не находитъ ни лампы, ни стражи. Въ створѣ блеснулъ слабый свѣтъ: иши ли впередъ, или бѣжашь отъ этого свѣта, едва при-мѣшнаго? Случай направляетъ шаги его. Въ лице его пахнулъ свѣжій передразвѣтшый вѣсеръ. Онъ вступашь въ открытую галерею. На небѣ еще

горѣла звезда ночи; *Конрадъ* мало обращаетъ на нее вниманія; другой свѣтъ, выходящій изъ уединенной комнашы, привлекаетъ его взоры. Сквозь полуотворенную дверь онъ не видитъ ничего, кроме лампы. Кто-то пробѣгаетъ скорыми шагами, османавливается, возвращается и опять османавливается. Это *Гюльнара!* Въ рукѣ ея нѣтъ кинжала, нѣтъ никакихъ слѣдовъ злодѣянія. „Слава Богу, говоритъ онъ, сердце ея успокоилось! она не совершила убійства!“ Онъ разсматриваетъ ее пристально; мелькнулъ упренный свѣтъ и смятенный взоръ его пораженъ ужасомъ. Она сдѣлала движеніе рукою, чтобы расправить рассыпавшіеся по лицу и бѣлоснѣжной груди ея волосы; кажется, что она шеперь только вышла изъ задумчивости, сомнѣнія, или ужаса. *Конрадъ* подходитъ ближе: поропливая рука *Гюльнари* не успѣла стереть легкое пятно на ея челѣ; онъ замѣчаетъ цвѣтъ пятна и угадываетъ это слабый, но вѣрный знакъ преступленія это капля крови.

X.

Конрадъ видѣлъ ярия бишвы, онъ испыталъ все ужасы тюремнаго одиночества, грызущіе сердце преступника, ожидающаго лютой казни: онъ злодѣй и наказанъ. Еще руки его носили оковы, въ копѣхъ могъ онъ навсегда остаться. Но ни бишвы, ни потеря вольности, ни угрызения совѣсти, ни ужасное его положеніе, столь сильно на него не подѣйствовали, какъ эта капля крови.

Сердце его оледенело отъ негодованія. Одна капля крови омрачила прелести *Гюльнары*. *Конрадъ* не разъ видалъ текущую кровь, могъ смощрѣшь на нее безъ содроганія, не въ пылу сраженій, но рукою мужей проливаемую.

XI.

„Свершилось, сказала *Гюльнара*; онъ хотѣлъ пробудиться и — погибъ. Свершилось; шы дорого мнѣ стоишь! Теперь всѣ разсужденія бесполезны; убѣжимъ отсюда; корабль ожидаетъ насъ; заря уже занялась. Всѣ обольщенные мною, совершенно мнѣ преданы и гошovy приспашъ къ ошашкамъ швоего войска. Голосъ мой будешъ служишь мнѣ вмѣсто руки, когда мы понесемся по волнамъ и удалимся отъ сего ненавистнаго берега.“

XII.

Она хлопаешъ руками. По сему знаку Греки или Морейцы, поклявшіеся ей служишь, прибѣгаютъ въ галлерею и спашоваяшся передъ нею. *Конрадъ* освобожденъ отъ оковъ. Онъ ошашъ свободенъ, какъ вѣшеръ горъ; но погруженъ въ шакую горешъ, что вся шажешъ сихъ оковъ, казалось, упала на его сердце.

Онъ хранишь глубокое молчаніе. По знаку *Гюльнары* отворяешся пошашенная дверь, ведущая къ приспани. Они удаляюшся отъ города, доспигаюшъ песчанаго берега, гдѣ скачуція волны усмиряюшъ свою яросшь. *Конрадъ* безмолвно за ними слѣдуешъ. Покорный воль *Гюльнары*, онъ равнодушенъ къ спа-

сенію и къ предашельству. Всякое сопротивленіе казалось ему бесполезнымъ, какъ и шогда, когда бы живъ былъ *Сендъ*, гошовый насыпишь мщеніе свое его казню.

XIII.

Они кидаются въ ладью; попушный въшеръ вздуль паруса. Сколько различныхъ воспоминаній представилось воображенію *Конрада*! Онъ вышель изъ своей глубокой задумчивосши, когда показался огромный упесь, подъ защишою коего брошень якорь. Нѣсколько дней, послѣдовавшихъ за послѣднею пагубною ночью, показались для него въкомъ ужаса, мукъ и злодѣяній. Въ шо время, когда шѣнь упеса просперлась надъ мачшою ладьи, *Конрадъ* закрыль голову; шяжка горесшь имъ овладѣла: онъ вспомнилъ *Гонзальва* и своихъ шоварищей, свое минушное шоржештво и бѣдешвенное положеніе; онъ думаль шакже объ осшавленной подругѣ, но когда онъ обернулся, глаза его упали на убійцу *Гюльнару*.

XIV.

Она вемашривалась въ чершы лица его, и не могла снести оледѣняющаго взора, ее опшвергающаго. Поздняя слезы смягчили мрачный и суровый взглядъ, ей чуждый. Она упала на колѣна передъ *Конридомъ*, и схвашивъ его руку, „пустишь Алла покараешъ меня, шы долженъ мнѣ простишь,“ сказала она! Чшо было бы съ тобою безъ сего чернаго злодѣянія? Обременяй меня своими упреками, но удержи ихъ на минушу: я не ша, какою шебѣ кажусь: эша

ужасная ночь помрачила мой разумъ; умѣривъ свой. Еслибъ я не любила, то не была бы пресупною; но когда бы ты хотѣлъ сего, то не могъ бы показашь мнѣ своей ненависти. Тебя не было бы уже на свѣтѣ.

XV.

Гюльнара не поняла мысли *Конрадовой*. Онъ обвинялъ не ее, а себя: онъ шерзается, почитая себя невольною причиною ея злополучій; но одно только глубокое и мрачное молчаніе изобличаетъ тайную гореснь, его пожирающую. Между тѣмъ вѣетъ попушій вѣтеръ; море не волнуется; лазурныя воды кипящъ, разсѣаемыя легкою ладьею.

На краю небосклона показалась почка; скоро увидѣли мачту, парусъ и вооруженный корабль. На палубѣ видны машросы. Округленные паруса быспро мчашъ корабль. Онъ величественно приближается; перуны его гошovy грянушъ.

Молнія блеснула въ глазахъ ихъ; ядро просвисало надъ головами и разрѣзало волны. *Конрадъ* поднялъ голову; давно забывшая радость блеснула въ глазахъ его: „это мой красный флагъ, вскричалъ онъ, я его узнаю, ободримся; у насъ есть еще друзья на Океанѣ.“ Корсары по данному знаку узнающъ своего повелителя и привѣшавующъ его криками. Они немедленно спускающъ лодку и свершывающъ паруса. Не слышно ничего, кромѣ имени *Конрада*. Никакая власть не уимень ихъ восшорга: съ радостью и гордостью увидѣли они

его снова вступившаго на свой корабль. Улыбка смягчаетъ ихъ дикій видъ и они едва удерживають желаніе обнять его.

Конрадъ почти забылъ свои опасности и бѣдствія; онъ ошвѣчаетъ на ихъ привѣтствія, какъ привыкшій повелѣвать ими; пожимаетъ руку *Ансельма*, чувствуешь, что еще можешь сражаться и побѣждать.

XVI.

Послѣ первыхъ минушь восторга, Корсары съ горестію помышляютъ о томъ, что возвращеніе *Конрада* не стоило имъ ни одного удара; они поднимають паруса и клянутся отмстить за него. Еслибъ они знали, что рука женщины похишила у нихъ славу освобожденія ихъ начальника, то бывъ меньше разборчивы, провозгласили бы ее Царицею. Съ любопытною усмѣшкою они изъясляютъ другъ другу свое удивленіе и внимательно разсматриваютъ *Гюльнару*. Женщина, которая ниже и выше своего пола, которая не спрашивалась крови, смущается отъ ихъ наглыхъ взглядовъ. Она обращаетъ слабый и умоляющій взоръ къ *Конраду*; опускаетъ покрывало и безмолствуетъ. Руки ея сложены крестомъ на сердцѣ, которое съ тѣхъ поръ, какъ *Конрадъ* видѣ опасности, все прочее оставило судьбѣ. Не смотря на изступленіе бѣшенства, коего она была жертвою, равно способная къ сильной любви и ненависти, къ злодѣйству и

добродѣтели, она, соверша убійство, осталась женщиною.

XVII.

Конрадъ видѣлъ это. Онъ почувствовалъ вдругъ весь ужасъ ея злодѣянiя и сожалѣнiе объ ея несчастiи. Ручьи слезъ не смоють пресупленiя и гнѣвъ небесный нѣкогда ее постигнешь. Но онъ не забылъ, что кинжалъ для него испоргнутъ, что кровь пролипа за него; что сей пресступницѣ онъ обязанъ свободою, что для него ушрашила она земныя и небесныя надежды. Онъ подходитъ къ прекрасной невольницѣ. Она пошупляетъ взоры. Какъ она измѣнилась въ глазахъ его, сдѣлалась смртенною, шихою и робкою! Румянецъ на щекахъ ея поминушно смѣнялся смертною блѣдностью; вмѣсто обыкновенной живоспи, на лицѣ ея сохранилось шолько пяшно крови, брызнувшей съ кинжала. *Конрадъ* беретъ ее за руку; она шрепещетъ.... Поздно! онъ сжимаетъ сiю руку, шполь прелешную для любви и ужасную, когда управляетъ его ненависть. Она шрепещетъ; его рука лишилась швердоспи и голось измѣнился. Онъ зовешъ ее: „*Гюльнара!*“ Она не дастъ опвѣща. „*Милая Гюльнара!*“ Она поднимаетъ глаза, кошорыхъ взглядъ былъ ему опвѣшомъ, и кидаетъ въ его обьяшiя. Если бы *Конрадъ* ей опказалъ въ семь убѣжищѣ, сердце его было бы шлишкомъ велико, или шлишкомъ низко для смершнаго; можешъ бышь, шайный голось предчувшвiя, опзывавшiйся въ душѣ *Конрада*, сохранилъ его по-

слѣдную добродѣтель; но сама *Медора* просила бы поцѣлуй, болѣе ничего не требовавшій отъ женщины, сполъ прелестной, первый и послѣдній поцѣлуй, похищенный, въ минушу поржесства слабости надъ постоянствомъ, на устахъ, оживленныхъ дыханіемъ числѣйшей любви, на устахъ, съ коихъ прерывчашые вздохи разливали сладкій аромашъ, освѣжаемый легкимъ движеніемъ крыльевъ Амура.

XVIII.

При наступленіи сумрака увидѣли они островъ *Корсаровъ*. Имъ казалось, что скалы его улыбаются; веселый шумъ слышанъ въ пристани; малки пылають на высотахъ; лодки несущя въ заливъ; рѣзвые дельфины, разбѣгая пѣнишыя волны, ускоряють ихъ бѣгъ. Морская пища дикимъ и пронзительнымъ крикомъ ихъ привѣщешвуешъ; воображеніе ихъ представляешъ имъ поварищей, возжигающихъ большіе огни на маякахъ.

На морѣ улыбка надежды украшаешъ всего болѣе счастье возвраша.

XIX.

Посреди огней, блисшающихъ на горѣ и островѣ, *Конрадъ* ищетъ взорами *Медориной* башни, но напрасно; всѣ замѣчають съ удивленіемъ, что она скрывается во мракъ; прежде, всегда видѣли въ ней привѣшный свѣшъ, еще издали: шеперь, можешъ бышь, онъ завѣшенъ, или горишь шускло. *Конрадъ* кидается въ первую лодку и негодуешъ на медленность гребцовъ. Для чего не дашь ему бышряя

соколиныя крылья, чибобы взлещь на вершину горы! Гребцы требуютъ минушнаго ошдыха. *Конрадъ* пылая нешерпѣнѣемъ, бросаешя въ волны, доспигаешя берега и лешшя по знакомой ему пропинкѣ.

Онъ уже у дверей башни; останаавливается, слушаешя: никакой звукъ не прерываешя царствующаго въ ней молчанія. Мракъ ее окружаешя: онъ нешерпѣливою рукою спучишя въ дверь; никшо не опираешя, не слышно шороха шаговъ. Онъ спучишя снова, но уже слабо; дрожащая рука опказываешя служишя беспокойному желанію сердца. Опшоряющя дверь; онъ видишя знакомое лице, но не шо, кошорое съ шакимъ нешерпѣнѣемъ желалъ онъ прижашя къ своему сердцу; ему не освѣчающя; два раза хошѣлъ онъ спросишя, по слова умерли на устахъ его; онъ берешя свѣшильникъ, кошорой выпадаетъ изъ рукъ его и гаснешя. Ожидатъ ли ему, пока опяшь его засвѣшашя? Эшо для него шо же, что ожидать разсвѣша. Другой свѣшильникъ, колеблющимся сіянѣемъ слабо освѣчаешя шемные переходы; онъ кидаетъ въ кошашу и видишя передъ собою шо, чему сердце его не вѣрило, хошя и предчувствовало.

XX.

Конрадъ неподвиженъ и безгласенъ, взоры его прикованы къ шой, кошорую онъ любилъ. Печаль не легко разшаетъ съ своимъ предметомъ; она боишя собственнаго признанія, что все погибло. *Медора* была спокойна и прекрасна, какъ будто

смерть явилась ей въ образѣ друга; въ оледенѣвшихъ рукахъ держала она цвѣтши и какъ бы прижимала ихъ, позабывшись сномъ. Можно было подумать, что еще рано проливать слезы. Бѣлыя, какъ снѣгъ, вѣжды, покрывали зѣницы, лишенныя огня ихъ одушевляющаго. Ахъ! какъ разительна изображается смерть въ очахъ, когда душа оставила сей проницательный свѣтъ.

Син голубые круги пошускли и измѣнились; но уста *Медоры* сохранили еще свою свѣжестъ; казалось, теперь только слетѣла съ нихъ улыбка. Увы! печальный покровъ, повязка на прекрасныхъ водахъ, никогда презиравшихъ пышное украшеніе цвѣтшювъ и бывшихъ игралищемъ зефировъ, блѣдность ланцшъ: все ясно говоритъ, что могила гошова приняла свою жертву. Ее болѣе нѣтъ; что же дѣлаетъ *Конрадъ*?

XXI.

Конрадъ ни о чемъ уже не спрашивалъ. Первый взглядъ, брошенный имъ на это бездушное лице, сказалъ все. Она умерла; что нужды, какимъ образомъ? Эшого довольно. Любовь первыхъ лѣтъ, надежда въ будущемъ, источникъ сладостныхъ желаній и нѣжливѣйшихъ заботъ, одно живое существо, которое не могъ онъ ненавидѣть; все у него ошину! Онъ достоинъ своей участи, но это не уменьшаетъ его горести. Человѣкъ добродѣтельный обращается въ бѣдствіяхъ къ Небу, куда на вѣки зашворень входъ прешушленію. Гордые и

зые, поспавляющіе счастье въ минушнихъ благахъ и непереносящіе своихъ надеждъ за предѣлы гроба, все шеряють, разрывая цѣпи съ землею! Кшо въ силахъ перенесшь равнодушно пошерю предмета, составлявшаго его единственную опраду? Сколькo спрогихъ и суровыхъ лицъ служатъ личиною сердцамъ, изпывшимъ опъ несчастія! Какъ часпо скрывающа горешннѣ мысли, но не могутъ скрышься въ улыбкѣ шѣхъ, конмъ лучше приспаль бы видъ печальный.

XXII.

Чѣмъ человекъ чувствительнѣе, шѣмъ меньше умѣетъ онъ скрывать волненіе расшерзаннаго сердца, кошорое въ каждой мысли ищеть успокоенія и ни въ одной его не находить. Нѣтъ словъ для выраженія шайнаго состоѣнія души. Истинная горешь безмолвна; печаль *Конрада* была безпредѣльна. Неподвижный, оцѣпенѣлый, приведенъ въ шакую слабость, чшо онъ заплакалъ, какъ женщина: знакъ невозвращной пошери! Никшо не видѣлъ слезъ, шекущихъ по щекамъ его; бышь можешь, онъ удержалъ бы ихъ при свидѣшеляхъ. Но онъ поспѣшно ошеръ глаза и удалился съ расшерзаннѣмъ, неушѣшнѣмъ сердцемъ Возсіяло солнце; день казался мрачнѣмъ для *Конрада*. Наступила ночь; въ душѣ его проспелась вѣчная шьма; самую ужасною шьмою покрывають глаза облака душевннѣ. Никакая слѣпоша не равняется съ слѣпошою несчастливца, кошорый не можешь, не смѣеть видѣшь

и, опшалкивая руку проводника, ищешь самага глубокаго мрака.

XXIII.

Сердце *Конрада* было создано для нѣжности; оно насильно увлечено къ пресуупленіямъ. Слишкомъ рано испышалъ онъ измѣны, долго былъ жершвою обмана. Чувства его, опъ природы добрыя, имѣли участь воды, окаменѣвшей подобно вершену, въ кошорый падаешь она капля за каплею: можешь быть, она была свѣшла, пробираясь сквозь песокъ, но оледенѣла и окаменѣла. Ударъ грома мгновенно раздробилъ скалу, кошорую бури давно уже подрывали; сердце *Конрада* поражено подобнымъ ударомъ.

Нѣжный цвѣшокъ возрасшалъ у подошвы сей скалы, коей шѣнь служила ему защишою: одинъ ударъ грома разрушилъ скалу и лплію. Не ошалоось опъ сего прекраснаго расшѣнія ни листочка, кошорый бы сказалъ объ его ушрашѣ: всѣ они поблекли и преврашились въ пещель; ошашки хладнаго защишника его разсѣяны по бесплодному берегу.

XXIV.

Зарумянилась заря. Никшо изъ шоварищей *Конрада* не смѣешь нарушишь его уединеніе. *Анселль* рѣшаешь, наконецъ, проникнуть въ башню: его шамъ не было, его нѣшь и на берегу. — Бюшь превогу; бѣгають по всему ошпову до шемной лочи. На другой день новые поиски: имя его ушомляешь эхо. Тщешно ищуть его на горахъ, въ пещерахъ, разсѣлинахъ, долинахъ. У берега на-

ходящъ опорванную цѣпь челнока. Надежда оживляется; за нимъ слѣдуютъ по морю: напрасно! Дни смѣняются днями; *Конрада* нѣтъ; онъ никогда не возвратишься. Нѣтъ ни вѣсти, ни слѣда, копорый бы сказалъ объ его участи: живъ ли онъ, или смерть положила конецъ его опчаянію?

Товарищи долго его оплакивали: болѣе никто не могъ о немъ плакать. Подругъ его воздвигнушь прекрасный памятникъ. Что до него, никакой надгробный камень не говоришь ни объ его смерти, ни объ его жизни.

Для будущихъ временъ осталось одно имя Корсара, копорый между тысячью преступленій сохранилъ одну добродѣтель.

Я.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

А. Воейковскаго.

Январь, 1826.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Проза.	Стр.
Корсаръ пьсья претія, (Изъ <i>Бейрона</i>)	1.
Часть смерти, повесть	29.

СТИХОТВОРЕНІЯ.	
Русалка, <i>Баллада</i>	36.
Княгиня Зеневидъ Александровицъ Волконской	38.
Геній	39.
Старцу-Герою	40.
Къ Русскому народу	41.
Сашъ-Казначеву	—
Романсъ	43.
Аливи	—
Эпитафія	44.
Разлука	45.
Много ли надобно?	46.
Кипарисъ	47.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Печашано въ Военной Типографіи.